

Е Фанчэн, судя по всему, тогда слишком сильно запаниковал и в итоге просто принес его в свои личные покои. Сейчас Му Цюаньсун вольготно раскинулся прямо на его Драконьем ложе.

Рану обработали отлично, вот только при каждом движении тела всё еще чувствовалось жжение, и Му Цюаньсун моментально передумал продолжать.

— А-Ли, ты... — услышав его шевеление, Е Фанчэн тут же направился к кровати, по привычке протянул к нему руку, но на полпути неожиданно замер, вспомнив что-то.

Му Цюаньсун проигнорировал его неловкость, нахмурился и спросил:

— Что с расследованием дела о банкете в честь дня рождения? Что там в конце концов произошло?

Гнетущая атмосфера мгновенно испарилась. Придя в себя, Е Фанчэн честно ответил:

— Это... подсланные люди моего четвертого брата. Вчера, после того как выживших схватили и подвергли жестоким допросам, они признались: четвертый брат затаил обиду из-за того, что я взошел на престол, и намеренно внедрил своих людей, чтобы сорвать мой банкет.

Выслушав его, Му Цюаньсун молча, не стал сразу отвечать.

Неужели всё и вправду так просто?

Но если подумать, хотя прежде они с Четвертым принцем и пересекались, вражды между ними никогда не было, и причин убивать его у того вроде бы не имелось.

— А что с Четвертым ваном? — после того как Е Фанчэн взошел на трон, Е Фанминя пожаловали титулом вана. Он должен был присутствовать на этом банкете в качестве почтенного гостя, однако Му Цюаньсун его так и не увидел.

Видимо, Е Фанминь сослался на какую-то болезнь, чтобы не являться, а сам тем временем за кулисами закрутил вот такую интригу.

— Говорят, в его поместье уже и след простыл, должно быть, сбежал. Я уже отдал приказ о его поимке, постараюсь схватить его как можно скорее, — доложив об этом, Е Фанчэн снова бросил на него опасливый взгляд и в раздумьях произнес: — А-Ли, ты... как себя чувствуешь?

От этих слов Му Цюаньсун тут же закипел. Невольно вспомнив услышанное перед потерей сознания, он злобно бросил:

— Не беспокойся, не умру.

Е Фанчэн снова умолк и просто тихонько застыл на небольшом расстоянии от него.

Когда его маленький ученик вот так молчал, забывая напустить на себя подобающую Е Фанчэню развязность, в его образе отчетливо проступали черты, на редкость гармонизировавшие с его истинными мыслями. Му Цюаньсун не выносил, когда тот стоял истуканом — от этого вида так и подмывало над ним поиздеваться, и он подал голос:

— Я немного проголодался, не мог бы ты принести мне поесть?

Е Фанчэн слегка растерялся, но тут же напустил на себя императорский вид и холодно ответил:

— Хорошо, я прикажу императорской кухне что-нибудь приготовить.

— Посолонее, — не унимался Му Цюаньсун, пользуясь случаем.

— ... — Е Фанчэн сделал вид, что ничего не услышал.

[Ранен, а всё туда же — деликатесы ему подавай!]

Му Цюаньсун беззвучно усмехнулся уголком губ и снова лег. А когда Е Фанчэн отдал распоряжения и вернулся в комнату, он, не сумев побороть слабость в теле, опять заснул.

Е Фанчэн присел на край кровати, и его безмятежный взгляд застыл на мужчине, словно он о чем-то глубоко задумался.

Атмосфера выдалась на редкость мирной.

Му Цюаньсун проспал недолго. Когда в комнату внесли дымящиеся блюда, он как раз снова пришел в себя. Е Фанчэн велел поставить еду на небольшой столик у кровати:

— Всё здесь, бери сам, что хочешь. Я...

Видя, что тот вроде бы в порядке, Е Фанчэн собирался уйти по делам, но Му Цюаньсун прервал его на полуслове.

— Ваше Величество, вообще-то я сейчас раненый, — Му Цюаньсун поднял взгляд и в упор посмотрел на него.

Заметив, что Е Фанчэн непонимающе уставился на него в ответ, он неторопливо добавил:

— Мне очень больно, любое резкое движение дается с трудом. Не будет ли Ваше Величество столь любезно ради нашей прошлой дружбы позаботиться о моем «друге»?

Е Фанчэн хранил молчание и уходить не собирался.

Му Цюаньсун не собирался так просто отпускать своего никчемного ученика:

— Ваше Величество, между прочим, это ранение я получил в вашем саду и на вашем банкете.

Столкнувшись с уверенным взглядом Му Цюаньсуна, Е Фанчэн внезапно почувствовал себя немного не в своей тарелке и слегка отвел глаза.

Му Цюаньсун молча смотрел на него какое-то время, а затем опустил ресницы и тихо произнес:

— Ладно, я сам.

Однако стоило ему попытаться приподняться из положения лежа на спине, как его тут же прошиб холодный пот от боли. Видя, как он со страшно бледным лицом тяжело и немощно тянется за пиалой с кашей, Е Фанчэн вытерпел какое-то время, но всё же не стерпел. Сдавшись, он подошел, перехватил его руку и процедил сквозь зубы — в его тоне неожиданно прорезалась несвойственная ему командная жесткость:

— Сиди ровно.

Затем он сам придвинул стул, уселся с бесстрастным лицом и, глядя на Му Цюаньсуна с явным отвращением во взоре, принялся его кормить.

И ведь совершенно забыл, что на самом деле мог приказать дворцовым служанкам или евнухам сделать это вместо него.

[Изнеженный.]

Слушая ворчливые внутренние мысли младшего ученика, Му Цюаньсун удовлетворенно прищурился и с чистой совестью принимал заботу самого императора.

Этот инцидент случайно заметили несколько человек во дворец. В окружении и без того вовсю судачили о том, какое странное отношение проявил вчера Е Фанчэн к Му Цюаньсуну — совсем не так, как он обычно отзывался о действиях Клана Му, — а теперь поползли и такие слухи. В

один миг все растерялись, не зная, как теперь относиться к Клану Му.

Они-то думали, что Клан Му уже выброшен Е Фанчэнем за ненадобностью, а Му Цюаньсун — всего лишь пешка, с помощью которой тот пробился к власти. Но судя по всему, дело обстояло совсем иначе?

Му Цюаньсун понятия не имел, что за бурные споры разгорелись вокруг них за пределами дворца. Он со спокойной душой восседал на постели Е Фанчэня и, пользуясь своим нездоровьем вкупе с напускной черствостью и мягкосердечием маленького ученика, самыми разными хитростями заставлял того бегать вокруг него целый день напролет.

Лишь к вечеру Е Фанчэн сообразил, что весь день только и делал, что ходил за Му Цюаньсуном, и не успел переделать ровно ничего.

— ...Что с тобой такое, можешь ты хоть немного собраться! Ты же никчемный любовник, никчемный любовник, черт побери! Имейте же хоть капельку самосознания никчемного любовника! — писклявый голосок был вне себя от возмущения.

[Какого еще самосознания?]

— Ты должен заставить его страдать, чтобы он орал так, что горло сорвет, и от покрытия ранами не получать от тебя и капли жалости — только тогда он затаит на тебя обиду и окончательно разочаруется!

[Но он неожиданно получил ранение, этого не было в сюжетной линии.] — упрямо возразил Е Фанчэн.

А раз так, то нынешняя забота о Му Цюаньсуне никак не могла считаться частью сюжета. Он просто боялся, что Му Цюаньсун помрет раньше, чем он выполнит задание и соберет все Осколки Первородного Духа. Тогда весь их предыдущий труд пойдет насмарку, да к тому же придется заново разыскивать сбежавшие осколки, что было крайне хлопотно.

— ...Ладно уж, всё равно шкала прогресса не откатилась назад, — хныкнул писклявый голосок.

Му Цюаньсун молча слушал их диалог. Бросив взгляд на младшего ученика, который уже закончил мыться, облачился в тонкие одежды, а его распущенные волосы свободно падали на плечи, словно он собирался ко сну, Му Цюаньсун вдруг спросил:

— Ваше Величество, раз вы оставляете меня ночевать здесь, то где же будете спать вы?

Это вообще-то его личная спальня.

Е Фанчэн искоса посмотрел на него, с мучительным выражением лица обдумывая этот вопрос.

Прошлая ночь была исключением: из-за хлопот с раной Му Цюаньсуна и поимкой убийц он вообще не ложился, а под утро лишь ненадолго прикрыл глаза, опершись о письменный стол.

Если говорить о сегодняшнем вечере, то, судя по текущему развитию сюжета, Е Фанчэню больше не было нужды спать с Му Цюаньсуном на одной постели.

Он как раз собрался ответить, что пойдет отдохнуть в соседнюю боковую палату, как Му Цюаньсун сам сделал ему заманчивое предложение:

— Драконье ложе такое огромное, почему бы нам не лечь вместе?

Е Фанчэн поджал губы и жестко ответил:

— Му Цюаньсун, мы с тобой больше не в тех отношениях, что прежде. Надеюсь, ты трезво смотришь на вещи.

Му Цюаньсун при этих словах опешил, и в его взгляде проступило недоумение:

— В каких «таких» отношениях? Дружьях?

— Действительно, нынче вы — император, а простой смертный вроде меня не смеет задирать нос и набиваться в братья или близкие друзья к Вашему Величеству.

Помолчав, он добавил:

— Впрочем, мы оба мужчины. Даже если мы не друзья, что такого в том, чтобы лечь на одну кровать?

Не давая Е Фанчэню вставить и слова, Му Цюаньсун, будто что-то вспомнив, с легким шоком и нескрываемым осуждением посмотрел на него:

— Стойте... Ваше Величество ведь не имеет в виду то, что вы делали со мной те два раза?

— Я сейчас ранен, а Ваше Величество все еще думает о том, чтобы провернуть со мной подобное? — Му Цюаньсун смотрел на него так, будто перед ним стоял отъявленный негодяй.

Е Фанчэн остолбенел:

— ...?

Это когда же он такое говорил?!

Му Цюаньсун долго делал вид, что колеблется, прежде чем тихо произнести:

— Если Ваше Величество так сильно хочет, то в общем-то можно... Только боюсь, как бы я от неосторожного движения не истек кровью.

Наблюдая за тем, как лицо Е Фанчэня все больше каменеет от изумления, Му Цюаньсун невозмутимо добавил:

— О, я имею в виду, что у Вашего Величества просто отвратительная техника, из-за которой мои раны вполне могут снова разойтись и закровоточить...

— ...Заткнись! — Е Фанчэн наконец не выдержал и прервал его, а его голос дрожал от гнева.

[Этот гад, этот гад —!] Му Цюаньсун впервые слышал, чтобы голос маленького ученика звучал так несдержанно — прямо как у какого-то добропорядочного юноши, которого довели до ручки непристойными домогательствами.

Хотя тот был разъярен до предела, ругаться он толком даже не умел.

Му Цюаньсун не удержался от мысли: каким же всё-таки удивительным сокровищем был его маленький ученик?

Маленькая система-пискля: Ты же никчемный любовник! Ну будь же ты хоть немного беспринципным!

Никчемный любовник: По-моему, я и так превосходно справляюсь: переспал и наотрез отказался признавать содеянное. Беспринципно? Еще как.

Му Цюаньсун: Нахалю попользовавшись будущим императором, я заявляю, что чувствую себя прекрасно.

Первый мир (двенадцать)

Шея Е Фанчэня покраснела от ярости. Он еще долго ошеломленно и недоверчиво пялился на Му Цюаньсуна, а затем, кипя от злости, решил просто развернуться и уйти.

Му Цюаньсун вовремя разразился приступом громкого кашля, изобразив на лице такое мучение, будто страдал не от поверхностных порезов, а от смертельных внутренних ран, способных свести в могилу в любую секунду. Он тихо вздохнул с упреком:

— Это ведь Ваше Величество тут себе нафантазировал всякого, а в итоге во всем незаслуженно обвинили меня.

— Ну ладно, Ваше Величество, ступайте. Этот простолюдин всё равно премного благодарен за то, что вы уступили мне место, — выдохнул Му Цюаньсун и слабо махнул рукой, показывая, что прекрасно справится и в одиночку. Однако перед тем, как Е Фанчэн действительно двинулся с места, он слабо и беспомощно добавил:

— Верно, не мог бы Ваше Величество, учитывая, что я ранен и беспомощен, выделить мне парочку помощников? — говоря это, он бесстыдно улыбнулся. — Лучше всего — сестриц-служанок, у них дела спорятся аккуратнее.

И еще, раз уж вчерашнее покушение произошло прямо во дворце, я надеюсь, Ваше Величество сможет приставить нескольких стражников сторожить снаружи и внутри покоев. Я просто опасаюсь, что вдруг остался кто-то не пойманный, кто посчитает, что я проявил излишнюю жестокость, и решит тайком отомстить мне.

.....

В конце концов Е Фанчэн остался и лег спать вместе с ним.

Вот только выражение его лица выглядело так, будто он делает это против всякой воли, словно страшно боялся, что тот не поймет его истинных чувств. Слово брезгливость было отчетливо написано у него на лице — казалось, он переживал лишь о том, как бы этот человек действительно не отдал Богу душу в его собственных покоях, навлекая на него дурной знак.

Раны на теле Му Цинли были самыми настоящими, так что ему было не до других занятий. Потешив свое внутреннее маленькое озорство после поддёвки ученика, он заснул.

Зато лежавший рядом с ним Е Фанчэн всю ночь глаз не сомкнул. Помимо страха случайно раскинуться во сне и еще сильнее повредить раны Му Цинли, он действительно опасался того исхода, о котором тот говорил, поэтому мог лишь прикрыть глаза и спать чутким, поверхностным сном.

Из-за этого на утреннем докладе он выглядел из рук вон плохо — бледный и уставший, словно из него выжали все соки.

Теперь все обитатели Императорского дворца, от мала до велика, знали, что Му Цинли был приющен в личных покоях императора, причем прошли уже сутки, а его до сих пор не выгнали. Ходили даже слухи, что прошлой ночью они спали на одной кровати.

По дворцу тут же поползли всевозможные домыслы, и даже Му Цюаньсун, уже столько дней терпевший холодное отношение, неожиданно стал получать знаки внимания от нескольких чиновников. Вдобавок их заискивающие лица во время разговоров с ним выглядели так, будто Клан Му снова вернулся к вершинам своего могущества.

Однако Му Цюаньсун сильно беспокоился за собственного сына.

Е Фанчэн с первого взгляда казался редкостной дрянью, способной по первому капризу разорвать многолетнюю привязанность. Он боялся, что слишком наивный Му Цинли вновь пострадает от рук Е Фанчэня.

А тот самый драгоценный сынок Му Цинли, о котором так переживал Му Цюаньсун, опасаясь его повторного ранения, только что повелительным тоном заставил Е Фанчэня докормить его, после чего довольно прищурился.

Е Фанчэн держал в руках пустую посуду, слегка погрузившись в оцепенение.

Ему упорно казалось, что что-то здесь не так.

— Конечно не так, почему ты во всем его слушаешься? Ты же император, где твоя гордость? — душевное состояние детского голосочка прошло путь от первоначальных возбужденных напоминаний до полного спокойствия.

В конце концов, пока шкала прогресса не падает, все остальное не имеет значения. Е Фанчэн изо всех сил старался сделать свое выражение лица еще более холодным и безжалостным. В этот момент он как раз вспомнил о Е Фанцзине и с осторожностью спросил Му Цинли:

— С тех пор как моего старшего брата изгнали из Императорского дворца по приказу императора-отца, я больше его не видел. Помнится, в прошлом у старшего брата были весьма неплохие отношения с А-Ли, не доводилось ли тебе случайно встретить его где-нибудь за пределами дворца?

Четвертый ван Е Фанминь сбежал, предварительно все спланировав. Прошлой ночью, не имея возможности уснуть, Е Фанчэн обсуждал это происшествие с Системой Небесной Книги. Они не знали, приведет ли Сознание Мира Е Фанминя к Е Фанцзиню, чтобы тот убил его.

По идее, Система Небесная Книги, знающая обо всем на свете, должна была обладать способностью точно определить местонахождение Е Фанцзиня.

— Но как это странно, сейчас я улавливаю лишь колебания жизненной силы Е Фанцзиня, а его следы будто скрыты густым туманом, или же им мешает какая-то особая энергия, так что я ничего не могу узнать, — Система Небесной Книги тоже пребывала в крайнем недоумении.

Лежащий на постели Му Цинли замер на мгновение, услышав этот вопрос Е Фанчэня, а затем с улыбкой честно ответил:

— Видел.

— Братец Фанцзин сейчас у меня дома.

И тогда он увидел, как взгляд Е Фанчэня постепенно сменился с шокированного на презрительный, а под конец в нем промелькнула едва ли не ярость человека, над которым жестоко подшутили, после чего император перестал обращать на него внимание.

Задумав превратиться в никчемного любовника для Му Цинли, Е Фанчэн внедрил в Клан Му нескольких своих людей. Быть может, многое за его спиной оставалось скрыто от него, но уж о том, прячут ли в его доме посторонних людей, он определенно знал.

[Сплошное вранье.]

Услышав угрюмый внутренний голос своего маленького ученика, Му Цинли чуть со смеху не подавился.

Честно говоря, тот ведь действительно ему не поверил.

— Вдовствующая императрица прибыла!

В этот момент напряженной тишины откуда-то издалека донесся голос евнуха, возвещавшего о прибытии высокой гостьи.

Это пожаловала Вдовствующая императрица Лян, направлявшаяся к Е Фанчэню.

Е Фанчэн бросил косой взгляд на Му Цинли, не произнес ни слова и повернулся, чтобы встретить свою матушку.

Судя по лицу, Вдовствующая императрица Лян была женщиной с довольно сварливыми, резкими чертами и властным характером, а в ее бровях и глазах явственно читалось выражение крайней корысти.

Да и нравом она обладала ровно таким же.

Когда Е Фанчэн только начинал сближаться с Му Цинли, она уже была недовольна, считая, что ее сын слишком близко сошелся с младшим господином из Клана Му. В те времена Клан Му был предан императорскому двору, и, судя по первоначальным планам покойного императора, они должны были оказывать поддержку наследному принцу, поэтому Вдовствующая императрица Лян издавна недолюбливала людей из Клана Му. Лишь после того, как Е Фанчэн объяснил ей истинную причину своего сближения с Му Цинли, она поверила ему наполовину и позволила поступать по-своему. Лишь когда Е Фанчэн действительно восшел на престол при поддержке клана Му, она стала смотреть на них чуть приветливее, однако вслед за этим появилась другая тревога.

Вне стен дворца всюду ходили слухи, что ее сын Е Фанчэн — любитель мужчин, который целыми днями путается с младшим господином из клана Му. Что же будет, если, став императором, он вдруг возьмет в жены императора-мужчину и не станет наполнять гарем ради продолжения рода?

Ранее Вдовствующая императрица Лян уже вызывала Е Фанчэна на разговор как раз насчет его связи с юношей из клана Му. Тогда Е Фанчэн пообещал ей, что вскоре бросит Му Цинли, и

даже велел начать приготовления к отбору наложниц. Более того, дальнейшее отношение Е Фанчэна к клану Му и Му Цинли и вправду было именно таковым — крайне безразличным и жестоким. Он даже начал возвышать Клан Лян, чем привел ее в величайшее удовлетворение.

Кто бы мог подумать, что стоило пройти банкету в честь дня рождения, как всё словно вернулось на круги своя полугодовой давности.

Вдовствующая императрица Лян чрезвычайно дорожила репутацией императора и не позволяла сыну совершать какие-либо ошибки во время своего правления, которые могли бы пошатнуть его власть. Видя, как слухи за стенами дворца становятся всё более безумными, она, естественно, больше не могла сидеть сложа руки и лично пожаловала во двор, желая выяснить у Е Фанчэна, что всё это значит.

— Император, неужели тебе нечего сказать мне по поводу Му Цинли? Му Цинли, услышав о прибытии Вдовствующей императрицы Лян, примерно догадался о цели ее визита. Хотя Е Фанчэн, судя по всему, вовсе не собирался брать его с собой на это зрелище, он смертельно любопытствовал, как же Е Фанчэн собирается вести себя с Вдовствующей императрицей Лян. Превозмогая слабость в теле, он украдкой последовал за Е Фанчэном и вместе с ним вышел в передний зал.

Он не стал появляться сразу, а спрятался в тени, однако от пронзительного детского голоса укрыться было невозможно.

— Му Цинли прячется неподалеку и подслушивает, — прозвучало в голове Му Цинли предупреждение от Маленького Молочного Голоска.

Е Фанчэн ничего не ответил.

— Я также слышала, что ты позволил ему спать в твоих покоях целых два дня?! — В отличие от Е Фанчэна, который перед людьми притворялся мягким и вежливым, лицо Вдовствующей императрицы Лян от начала и до конца оставалось суровым и строгим. Но она была красива, даже поразительно хороша собой: хотя ей уже исполнилось за сорок, она сохранила всю свою прелесть и выглядела ничуть не хуже какой-нибудь двадцатилетней девушке.

Стоило Му Цинли подойти, как он услышал ее резкий выговор, адресованный Е Фанчэну.

Е Фанчэн, будучи никчемным любовником, тем не менее отличался сыновней почтительностью, и даже взойдя на престол, смиренно склонял голову перед наставлениями Вдовствующей императрицы Лян. — Я ведь с самого начала говорил: хорошо относиться к Му Цинли я начал лишь ради того, чтобы завоевать его доверие и заручиться поддержкой клана Му, — в голосе Е Фанчэна послышалась мягкая улыбка, но слова его звучали до крайности бездушно и холодно.

— Вот как? — после событий последних дней, а также благодаря живописным рассказам слуг, Вдовствующая императрица Лян уже прониклась к Е Фанчэну некоторым подозрением. — Ты уже прочно воссел на императорском троне и больше не нуждаешься в помощи клана Му. Жив он или мертв — тебе не о чем беспокоиться.

— По мнению императорской матери, в позапрошлый день тебе следовало проявить еще большую жесткость и прикончить его прямо на месте. В таком случае мне не пришлось бы ежесекундно опасаться, что в один прекрасный день он придет с воспоминаниями о вашем прошлом, чтобы шантажировать тебя, вызывать твою жалость или того хуже — опорочить твоё имя среди людей!

Е Фанчэн опустил взгляд и молчал, а в его мыслях царил полнейшая тишина. Му Цинли, стоя снаружи, беззвучно искривил губы в усмешке, однако взгляд его помрачнел, словно он о чем-то глубоко задумался.

— Прошу материнское величество не беспокоиться, у меня уже на примете есть кандидатуры на роль императрицы и наложниц, так что Му Цинли никогда и ни при каких обстоятельствах не получит никакого официального статуса.

С этими словами Е Фанчэн едва заметным взглядом косился в сторону укрытия Му Цинли, после чего произнес перед Вдовствующей императрицей Лян совершенно искренним тоном:

— Я ведь уже говорил в тот день: на самом деле мне вовсе не нравятся мужчины, и более того, я считаю отрезание рукава отвратительным явлением.

— Если я тогда обращался с Му Цинли подобным образом, то лишь потому, что хотел полностью подчинить его себе и привязать так, чтобы он уже не мог жить без меня.

— Му Цинли с малых лет рос под защитой, у него пустая голова, да и на чужие слова он легко поддается — стоило лишь пустить в ход сладкие речи да дешевые фокусы, как он тут же клюнул.

Произнося это, Е Фанчэн даже позволил себе легкие нотки насмешки и некоторую самодовольную горделивость.

— Тошнотворно.

Холодный голос младшего ученика раздался так внезапно, что Му Цинли опешил, и его лицо на мгновение окаменело.

Эта фраза звучала точь-в-точь как продолжение всех тех подлых речей Е Фанчэна, и Му Цинли от неожиданности даже растерялся.

Выходит, даже если его ученик всего лишь играл свою роль, в глубине души он и впрямь испытывает отвращение к такому человеку, как он?

Еще в юности, в прошлой жизни, Му Цинли осознал свои наклонности и безо всяких утайки признался во всем отцу. Тот, разумеется, поначалу был не в силах смириться с этим, полагая, что сын просто слишком сильно увлечен культивацией и, никогда прежде никого не любя, попросту заблуждался насчет истинных чувств. Отец даже пытался мягко вразумить его, силясь вернуть на так называемый истинный путь.